

На стоянке

Колёсами теплушек, автомобилей и гусеницами танков двигалась Красная армия на Запад отвоёвывать захваченные врагом родные земли. Впереди маячила Курская Дуга. Наконец произошёл перелом в двухлетней битве – и в количестве самолётов и танков, и в настроении солдат и труженников тыла, поверивших в скорую агонию фашистов.

Железные пути были плотно забиты военными эшелонами. Движение сопровождалось нередкими стоянками. И на одной маленькой станции вынужденно стоял эшелон. Из теплушек, как горох, размять ноги высыпали солдаты. Они спрыгивали прямо на грязь развороченного снарядами перрона. Оглядывались, потягивались, иные прохаживались около состава. А иные нашли зелёные островки молодой травы под тополями, ложились, глядя отрешённо на небо.

На одном из таких островков решили подкрепиться четыре солдата. Американская тушёнка и родные сухарики в мирной обстановке поглощались с аппетитом. Трое из солдат – бывалые вояки, на лице несущие копоть кровавых сражений, а четвёртый – почти подросток, шустрый, розовощёкий. Бывалые бойцы приняли его в свою компанию недавно, заступившись в нелепой стычке, где юноша-правдолюбец обозвал какого-то чересчур завравшегося солдата болтуном. Он был почти мальчик, даже краснел от сальных шуток. Старым воякам он пришёлся по душе. Короче, стал он в их маленькой компании вроде сына полка.

Трое перекусывали, перебрасываясь короткими фразами, а молодой вертел головой, глядя на окружающее с любопытством. И услышал, как два железнодорожника, мимо

проходя, перебросились словами о том, что на базаре при вокзале продают свежий лук – зелёные стручки с белыми головками. Проглотив слюну, солдатик сказал приятелям, что прогуляется, и пошёл искать базар, замыслив сделать приятелям сюрприз. Троица осталась лежать, дымя махрой.

Прошло немало времени, а юноша не приходил. Вдруг зазвистел паровоз, предупреждая об отправке состава. Поток выцветших гимнастёрки подался к вагонам. Но неожиданно замер, как будто попал в затор, а затем зачем-то потёк к вокзалу. Что такое? Трое приятелей пошли туда же. И увидели живое кольцо из солдат, озвученное возмущёнными голосами. Приятели протиснулись вовнутрь кольца. И с ужасом увидели своего дружка. Набок откинув кучерявую голову, он лежал. Из его виска текла струйка крови. Бледные щёки, распахнутые, остекленевшие глаза стоящим вблизи солдатам, видящим в лицо смерть, говорили о непоправимой трагедии. Пробились сквозь толпу санитары с носилками.

Его унесли. Трое приятелей кинулись со всеми к месту, где коменданту станции, седому с повязкою на глазу и шрамом на щеке пыталась о случившемся рассказать какая-то баба, ей поддакивал инвалид, качаясь на одной ноге. Оба говорили взволнованно, путано. Но уже вскоре стало понятно, что произошло. А случилось вот что.

Молодой боец, неся пучок лука в руке, оказался около этой самой бабы, которая продавала тушку зажаренной курицы. С нею торговались двое – небритые в рваной одежде мужики. Один из них был коренастым, другой высокий и худой. Денег у мужиков, видимо, не было, потому что бабе они предлагали карманные часы. Та уже согласилась, но молодой солдат мимоходом бросил ей: «Тётя, часы эти наверняка ворованные...» И только это сказал, как коренастый, поднял, не говоря ни слова, булыжник и швырнул его в солдата. И оба бежать.

Комендант, услышавший эту ужасную историю, объявил, что подозрительные мужики, убегаящие куда-то от станции, задержаны и находятся в кутузке, и добавил, что теперь за убийство они предстанут перед суровым судом.

Дослушав коменданта, один из троих приятелей убитого бойца, сорокалетний солдат, израненный в боях, сказал глухим голосом: «Отдайте их нам! Мы будем судить...» Солдаты, вокруг стоящие, поддержали его.

И вновь раздался гудок паровоза. Но никто из солдат ни с места. И все громко шумят. Офицеры как в рот воды набрали: не успокаивают своих солдат. И тогда к коменданту подошёл полковник. Он с эшелона. О чём-то прошептал коменданту. Тот, выслушав, кивнул головой. И отдал распоряжение. Конвой вывел из помещения злополучных мужиков. Оба бледные: почуяли, видно, свой конец. Комендант голосом глухим скомандовал, конвой несчастных подтолкнул к забору. И комендант, тоже побледневший, достал из кобуры «ТТ» и, молча, не утруждая себя вынесением приговора, выстрелил два раза.

Полк погрузился в вагоны, эшелон отбыл в сторону фронта.

